

Дмитрий Алексеевич Кононов
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
старший преподаватель кафедры лингвистики и перевода, аспирант, Омск, Россия
e-mail: dakononov@rambler.ru

Регулятивы как способ реализации смысловой доминанты «сын» в романе Дж. Джойса «Улисс»

Аннотация. В статье рассматривается смысло- и текстообразование в прозе потока сознания на материале романа Дж. Джойса «Улисс». Охарактеризован один из аспектов этого процесса на примере реализации смыслового ядра «сын» в рамках парадигмы регулятивности. Предложена классификация регулятивов в соответствии с их функциями в тексте и возможным влиянием на реципиента.

Ключевые слова: авторская картина мира, регулятив, регулятивность, смысловая доминанта, текстообразование.

Dmitry A. Kononov
Dostoevsky Omsk State University, Senior Lecturer of the Department of Linguistics and Translation,
Postgraduate Student, Omsk, Russia
e-mail: dakononov@rambler.ru

Regulatives as a Way of Realising the Semantic Dominant “Son” in the Novel “Ulysses” by James Joyce

Abstract. This article considers meaning and textual production in stream-of-consciousness prose on the material of the novel “Ulysses” by J. Joyce. One of the aspects of this process is characterised on the example of the realisation of the semantic core “son” within the paradigm of regulativity. The classification of regulatives according to their functions in the text and possible influence on the recipient is proposed.

Keywords: author’s worldview, regulative, regulativity, semantic dominant, text production.

Введение (Introduction)

Творчество Джеймса Джойса по праву остается в фокусе внимания исследователей на протяжении многих десятилетий, причем не только на родине писателя и в англоязычных странах, но и в России. Значение вклада Джеймса Джойса в литературу вообще и литературу постмодернизма трудно переоценить. Тем не менее приходится признать, что произведения автора привлекают преимущественно культурологов и литературоведов, при этом лингвистическая составляющая этих текстов по-прежнему нуждается в изучении и осмыслении.

Будучи одним из общепризнанных основателей традиций прозы потока сознания, Джеймс Джойс стоял у истоков обширного и многообразного литературного направления. Именно поэтому изучение прозы этого автора по-прежнему сохраняет актуальность, ведь глубокое понимание внутренних законов ее смысло- и текстообразования — необходимое условие для комплексной трактовки работ более поздних авторов, многие из которых могут считаться учениками и носителями наследия Джойса.

В рамках настоящего исследования была поставлена задача рассмотреть тексты Джеймса Джойса в рамках коммуникативной стилистики, а именно в рамках теории регулятивности Н. С. Болотновой. Выбор такого подхода продиктован необходимостью в перспективе рассмотреть существующие переводы романа «Улисс» на русский язык с целью выяснения, каким образом авторские регулятивы (важнейшие элементы идиостиля) были переданы при переводе на русский язык и было ли это сделано в принципе.

Разумеется, работа по достижению настолько глобальной цели не может быть описана в рамках одной статьи, поэтому в качестве материала для исследования был избран роман «Улисс», самое известное произведение автора, а в нём — смысловое ядро «сын», которое в значительной степени можно соотнести с образом одного из двух главных героев романа — Стивена Дедала.

В качестве гипотезы была предложена версия о существовании в тексте романа многочисленных, без труда идентифицируемых регулятивов, реализующих смысловую доминанту «сын», а также о возможности и целесооб-

разности классификации таких регулятивов в соответствии с их функциями и влиянием на реципиента.

Методы (Methods)

В рамках настоящего исследования были проанализированы четыре эпизода романа (1, 2, 3 и 9-й), так как именно в этих эпизодах ассоциирующийся со смысловой доминантой «сын» Стивен Дедал играет ключевую роль, будучи главным действующим лицом и носителем фокуса внимания автора. Методом сплошной выборки было обнаружено 117 регулятивов, которые подвергались количественному, сравнительно-сопоставительному и компонентному анализу с целью классификации.

Литературный обзор (Literature Review)

Рассмотрение понятий регулятива и регулятивности необходимо предварить кратким обзором работ, где лингвистический подход к текстообразованию в постмодернистской литературе превалирует над литературоведческим, поскольку их авторы анализируют текст в парадигме, избранной для настоящего исследования.

Л. В. Татару рассматривает нарративный текст на материале произведений Дж. Джойса и В. Вулф с использованием категорий «точка зрения» и «композиционный ритм», причем точка зрения трактуется как базовая единица ритма композиции [1, с. 31]. Согласно автору, «языковые формы реализации точки зрения и динамические закономерности их чередования в художественном тексте становятся главным фактором постижения этого мира как гармоничной цельности и фактором порождения эффективных когнитивных моделей, необходимых для дальнейшего освоения информации о мире реальном» [1, с. 46].

Важность структурно-семантического и когнитивно-прагматического подходов к исследованию средств связности текста Джеймса Джойса обоснована в диссертационном исследовании Е. Н. Бобриковой. Особенно ценными можно назвать выводы автора о роли внутренней речи в прозе потока сознания и классификацию лексических и грамматических средств связности текста [2, с. 114].

Еще одно диссертационное исследование, посвященное внутренней механике текстов Джеймса Джойса, принадлежит Е. Г. Фоменко. Автор характеризует идиостиль писателя с помощью такого понятия, как «эпифаническая модель» [3, с. 52]. Это понятие — одно из определяющих для творчества Джойса — более подробно рассматривается нами далее.

В определении смысловой доминанты мы следуем за В. А. Пищальниковой, отмечающей, что доминантными смыслами концептуальной системы являются «концепты, которые объединяются инвариантным личностным смыслом, выражающим мнение автора о каких-либо реалиях действительности» [4, с. 9]. Смысловую доминанту можно определить как совокупность универсальных смысловых образований, главная особенность которых состоит в том, что автор текста неоднократно и системно прибегает к их реализации.

Наконец, важным понятием настоящего исследования является регулятивность (термин был предложен Н. С. Бо-

лотновой). Регулятивность трактуется как «...системное качество текста, заключающееся в его способности "управлять" познавательной деятельностью читателя» [5, с. 108]. Регулятивы, частные проявления регулятивности, управляются регулятивной стратегией, которую автор определяет как один из видов речевой стратегии («комплекса речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [5, с. 110]). Регулятивная стратегия предназначена для оптимизации когнитивной деятельности реципиента с помощью механизмов, заложенных в тексте его автором.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

«Сын», наравне с «отец» и «путешествие», является одной из трех смысловых доминант романа Дж. Джойса «Улисс». Как и в случае с доминантой «отец», «сын» в тексте романа во многих отношениях представлен образом одного из главных персонажей романа. В данном случае речь идет о Стивене Дедале. Следует отметить, что репрезентация «сына» в тексте романа отнюдь не ограничивается образом Стивена Дедала, хотя последний, безусловно, включает в себе значительную ее часть.

Исследование показало, что регулятивы, представляющие смысловую доминанту «сын», возможно классифицировать исходя из коммуникативных и смысловых целей автора. Так, регулятивы подразделяются на служащие для демонстрации отношений между Стивеном Дедалом и его окружением (друзья, семья, общество, родина) и на служащие для демонстрации внутренних отношений персонажа (память покойной матери, религия, самоопределение). В свою очередь, эти две обширные группы подразделяются на регулятивы конфликта и регулятивы примирения. Ниже представлены наиболее показательные из обнаруженных примеров.

Стивен Дедал — главное действующее лицо в первых трех эпизодах романа, затем (начиная со 2-й части) фокус авторского внимания смещается на Леопольда Блума. В 9-м эпизоде 2-й части Стивен Дедал появляется вновь, занимая своими рассуждениями о Шекспире и феномене отцовства практически всю главу, чтобы впоследствии снова пропасть из поля зрения читателя вплоть до развязки романа в финальных эпизодах. Таким образом, в рамках настоящего исследования мы рассматриваем четыре эпизода, которые можно считать важнейшими для образа Стивена Дедала и репрезентации через него смысловой доминанты «сын» (1, 2, 3 и 9-й).

Первый, открывающий эпизод романа знакомит читателя со Стивеном Дедалом. В нём описано обычное летнее утро в башне Мартелло, которую он арендует в качестве жилья вместе со своим некогда лучшим другом Маллиганом.

Конфликт между Стивеном Дедалом и Маллиганом наиболее явно продемонстрирован в небольшом фрагменте их диалога, содержащем коммуникативный сбой. Стивен спрашивает Маллигана, помнит ли он свои слова, произнесенные в тот день, когда умерла мать Стивена. Убедившись, что Маллиган не помнит, Стивен напоминает ему точную формулировку: *O, it's only Dedalus whose mother*

is beastly dead — «О, это всего-навсего Дедал, у которого подохла мать» (здесь и далее перевод наш. — Д. К.). Пристыженный, Маллиган начинает длинно и красноречиво оправдывать употребление слов *beastly dead* («подохла») в адрес матери Стивена — и именно этим он наносит своему собеседнику зияющие раны. Стивен убеждается, что Маллиган не понимает: его обидели не слова *beastly dead* («подохла»), а слово *only* («всего-навсего»), оброненное «другом» как нечто само собой разумеющееся. Вопрос о том, можно ли считать это слово регулятивом, остается открытым. С одной стороны, в нём и только в нём содержится ключ к точной читательской трактовке всей коммуникативной ситуации. С другой стороны, одним из критериев регулятивности является ясность, способность читателя легко заметить и осознать их. В данном случае очевидно, что ключевая роль слова *only* («всего-навсего») становится понятна читателю далеко не сразу, а лишь после внимательного анализа всего диалога или, возможно, после повторного прочтения.

Еще один важный компонент персонажа, представляющего основные аспекты смысловой доминанты «сын» в тексте романа, — отчаянный духовный поиск, проистекающий из духовного и интеллектуального голода. В более поздних эпизодах романа эта тема станет одной из главных во внутреннем монологе Стивена Дедала, однако ее предвестие можно найти и в 1-м эпизоде. По просьбе бредущегося Маллигана Стивен подает ему зеркальце, которое оказывается треснувшим. Стивен немедленно замечает: *It is a symbol of Irish art. The cracked looking glass of a servant* («Вот символ ирландского искусства. Треснувшее зеркальце служанки»). Метафора-регулятив (треснувшее зеркальце служанки = символ ирландского искусства) может быть признана таковой по двум причинам. Первая состоит в упоминании Стивеном ирландского искусства без каких-либо к тому предпосылок. Видно, что тема самоопределения Ирландии и ее интеллектуальной элиты всерьез тревожит Стивена. Вторая причина состоит в определенной «интеллектуальной нечистоплотности» этой метафоры. Подобно многим мыслителям своего времени, Стивен Дедал стремится использовать свои гуманитарные знания для провозглашения связи всего со всем, которая выражается в как можно более широкой трактовке любого встреченного символа. Проще говоря, Стивен предлагает метафору, логическое обоснование которой более чем спорно, хотя она и встречает восторженную реакцию его собеседника: *God knows you have more spirit than any of them* («Ей-богу, в тебе куда больше, чем у них всех»).

Подводя предварительный итог диалогу Стивена Дедала и Маллигана на парапете башни Мартелло, можно сказать, что регулятивность начала 1-го эпизода рисует перед читателем картину явного конфликта между Стивеном и целым рядом важных в его жизни сущностей: бывший друг, католичество, интеллектуальная стагнация Ирландии.

Регулятивность во 2-м эпизоде, безусловно, присутствует, однако здесь можно говорить об одновременном исполь-

зовании автором регулятивов двух типов: эксплицитных и имплицитных.

Первый тип, эксплицитные регулятивы, в структурном и функциональном отношении развивают аналогичные явления, встречаемые во 2-м эпизоде ранее. В качестве типичного примера можно рассмотреть богатые историко-культурные ассоциации, возникающие в потоке сознания Стивена при виде коллекции старинных монет и морских раковин в кабинете директора: *On the sideboard the tray of Stuart coins, base treasure of a bog: and ever shall be* («На краю стола поднос с монетами эпохи Стюартов, сокровище болот, отныне и присно»); *...Whelks and money cowries and leopard shells: and this, whorled as an emir's turban, and this, the scallop of saint James. An old pilgrim's hoard, dead treasure, hollow shells* («...Створки и раковины каури и пятнистые скорлупки: а эта закручена как тюрбан эмира, а эта — гребешок Святого Якова. Сокровище древнего пилигрима, мертвое богатство, пустые ракушки»). Стивен называет монеты времен английской королевской династии Стюартов сокровищем болот, так как за минувшие века английская казна потратила баснословные деньги на усмирении ирландских восстаний — деньги будто утонули в болотах, большим количеством которых известна Ирландия. Одну из раковин Стивен сравнивает с тюрбаном эмира, а морской гребешок немедленно вызывает у него, воспитанного иезуитами, ассоциацию с паломниками в Сантьяго-де-Компостела, носившими раковину морского гребешка на одежде.

Второй тип, имплицитные регулятивы, на первый взгляд, алогичен даже на уровне наименования. Действительно, возможно ли говорить о регулятивности в случае, если тот или иной регулятив остался не узнаваемым и вовсе не идентифицированным читателем? Логичным было бы предположение, что в зависимости от свойств читателя один и тот же регулятив может быть как узнаваемым (т. е. выполнять свою непосредственную функцию), так и неузнаваемым (в этом случае можно констатировать, что регулятивность не проявляется, т. е. остается имплицитной). В качестве примера можно рассмотреть многочисленные случаи неточной атрибуции цитат и откровенного искажения разнообразных исторических фактов, которыми изобилуют реплики директора школы. На правах старшего и куда более состоявшегося в жизни человека он снисходительно поучает покорно внимающего Стивена, которому совершенно очевидно вопиющее невежество директора. Мистер Дизи приписывает фразу *on his empire... the sun never sets* («над его империей... никогда не садится солнце») некоему французскому кельту, в то время как в реальности ее автором считается Геродот. Обеляя оранжистов прошлого, директор превозносит ирландского политика Дэниэла О'Коннелла, отмечая нещадную критику, которой он подвергался среди деятелей католической церкви: *the prelates of your communion denounced him as a demagogue* («прелаты вашей церкви клеймили его как демагога»). В действительности церковь никогда не критиковала О'Коннелла, боровшегося за отмену унии, ликвидировавшей ирландский парламент. Наконец, Стивен вспоминает жестокое убийство оранжистами католиков в Алмазной ложе г. Армаха в 1795 г.: *The lodge of Diamond in Armagh the splendid behung with corpses of papishes*

* Роман цитируется по изданию: Joyce J. *Ulysses* / introduction by D. Kiberd. London : Penguin Group, 2000. 939 p.

(«Великолепная Алмазная ложа Армаха, увешанная телами папистов»). Здесь приведено лишь три наиболее показательных примера ошибок и неточностей в речи мистера Дизи и реальных исторических событий, о которых вспоминает Стивен. В рассматриваемом фрагменте 2-го эпизода их счет идет на десятки. В качестве основного вывода по этому фрагменту можно отметить, что имплицитные регулятивы представляют собой важный элемент 2-го эпизода.

Эпифания (epiphany) — одна из главных тем творчества раннего Джойса. Так, рассмотрению духовного озарения, порой меняющего всю жизнь человека, посвящены первые работы автора: сборник рассказов «Дублинцы», незавершенный роман «Герой Стивен» и роман «Портрет художника в юности». Существует вполне обоснованное мнение, что к началу работы над «Улиссом» Джойс в какой-то мере отошел от анализа этого явления, уделяя внимание новым творческим мотивам, однако образ Стивена Дедала, а вместе с ним и смысловая доминанта «сын» в романе по-прежнему находятся под сильным влиянием прошлого литературного опыта Джойса, что можно доказать, обратившись к 3-му эпизоду.

Регулятивы, направленные на демонстрацию конфликта между «сыном» и обществом, а если более широко, то и со всем окружающим его миром, проявляются и во 2-м эпизоде. Наиболее лаконично это выражено в заключительном диалоге между Стивеном и директором школы: *You were not born to be a teacher, I think. Perhaps I am wrong. — A learner rather, Stephen said* («Я думаю, вы не рождены учителем. А может, я и не прав». — «Скорее учеником», — сказал Стивен»). Семантическое противопоставление *teacher — learner* («учитель — ученик») указывает на то, что, работая школьным учителем, Стивен прекрасно сознает всю ложность, неуместность этой социальной роли для себя и даже открыто постулирует это. Рассмотрим, как это противопоставление реализуется в аспекте регулятивности.

Описание урока древнегреческой истории содержит значительное количество эпитетов, служащих для демонстрации монотонного, обыденного процесса обучения, который не приносит пользы ни ученикам, ни учителю: *The boy's blank face asked the blank window* («Мальчик со скучающим видом взглянул на скучный пейзаж за окном»); *A dull ease of the mind* («Бесхитростная утеха для разума»); *Mirthless high malicious laughter* («Злобный смех без радости»); *Some laughed again: mirthless but with meaning* («Кто-то снова засмеялся, без радости, но со значением») и т. д. Стивен Дедал отдает себе в этом отчет. Это можно заметить по фрагментам его потока сознания, которые с новой силой (в сравнении с предыдущим эпизодом) возникают в тексте романа: *My lack of rule and of the fees their papas pay* («Я над ними не властен, их родители уже оплатили обучение»). Фрагменты потока сознания часто перемежаются обыкновенными диалогами Стивена и учеников — это говорит читателю о том, что развитому интеллекту Стивена душно в такой ситуации и каждая произнесенная им или его учениками фраза рождает в нём поток ассоциаций. Ввиду невозможности приведения здесь пространственных цитат, представим регулятивную структуру этого фрагмента в виде схемы с краткими описаниями.

Диалог: Стивен спрашивает домашнее задание, мальчик забыл название города, где произошло сражение.

Поток сознания: Стивен вспоминает Уильяма Блейка и его сентенцию о том, что «история — басня дочерей памяти».

Диалог: мальчик с готовностью вспоминает историческую фразу о Пирровой победе.

Поток сознания: Стивен с горечью отмечает, что в памяти потомков остаются не жертвы войн, а лишь подобные фразы.

Диалог: Стивен спрашивает другого мальчика.

Поток сознания: Стивен замечает, что ленивый школьник из зажиточной семьи предпочитает поедать сладости, а не следить за ходом урока.

Диалог: мальчик из зажиточной семьи не готов к уроку и предпочитает отшучиваться.

Поток сознания: Стивен признает, что ученики презируют его за нищету и сознают свою безнаказанность.

Диалог: забывшись, Стивен высказывает афоризм: *Kingstown pier, Stephen said. Yes, a disappointed bridge* («Пирс в Кингстауне, — сказал Стивен. — Да, несостоявшийся мост»). Ученики в недоумении.

Поток сознания: Стивен отмечает, что никто в классе не смог бы понять его афоризм, его стоило приберечь для вечерней попойки с Хейнсом и Маллиганом. При этом Стивен тут же видит себя шутком на пиру, кривляющимся за господские подачки, и мрачная тень узурпатора-предателя Маллигана вновь накрывает его, как и в финале 1-го эпизода.

Возможно сделать вывод о том, что компактные (один, реже два абзаца) включения потока сознания могут в данном случае рассматриваться как регулятивы по следующей причине: они явно контрастируют с диалогами по форме и, что важнее, по содержанию. Тривиальному, скучному течению никому не нужного школьного занятия автор противопоставляет богатый интеллектуальный мир Стивена Дедала. При этом важно отметить, что каждое такое интеллектуальное проявление Стивена проникнуто самоиронией либо неприкрытой горечью.

Регулятивность в 3-м эпизоде проявляется четырьмя способами: а) поток сознания как главенствующий способ организации текста в эпизоде представляет собой гиперрегулятив сам по себе; б) описательные регулятивы, с помощью которых автор представляет читателю природное пространство, окружающее персонажа: усеянный мусором и скрипящими обломками берег болезненного зеленого цвета моря; в) имплицитные регулятивы, которые могут быть идентифицированы только подготовленным читателем, формируют впечатление о широкой образованности Стивена Дедала, однако его знания хаотичны, не имеют практического применения и вполне соотносятся с покрытым мусором пейзажем вокруг, где море выбросило на берег всё, что сочло ненужным и лишним; г) регулятивы, связанные с биографией персонажа: помимо очевидной когнитивной функции, они также несут значительную художественную нагрузку, задавая точку зрения, на основе которой читатель рассматривает важнейшие события в жизни Стивена Дедала. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что перечисленные выше регулятивы в совокупности

являются «фоном», на котором автор «прорисовывает фигуру» — образ молодого человека, наполненного травмирующими воспоминаниями, идущего по берегу моря среди мусора и отбросов, причем мысли его также наполнены своего рода «интеллектуальным мусором», что вполне гармонично в разрезе художественного текста, но весьма далеко от идиллии в общечеловеческом смысле.

Как уже было отмечено выше, всё это является прелюдией к эпифании, которой и завершается эпизод: *Behind. Perhaps there is someone. He turned his face over a shoulder, rere regardant. Moving through the air high spars of a threemaster, her sails brailed up on the crossstrees, homing, upstream, silently moving, a silent ship* («Сзади. Кто-то там есть, наверное. Он обернулся. Будто по воздуху, двигался трехмачтовик со свернутыми парусами, возвращающийся домой, против течения, безмолвно движущийся, безмолвный корабль»). Стивен Дедал чувствует кого-то у себя за спиной, оборачивается и видит — впервые — корабль в море, светлый, чистый, одинокий и гордый символ благополучного возвращения домой. Приведенная выше фраза содержит нагромождение эпитетов — прием, свойственный Джойсу.

Homing — «возвращающийся домой»: Стивен, разумеется, не может знать наверняка, куда и откуда следует корабль, но жаждет в это верить, и в этом убеждает читателя автор.

Upstream — «идущий против течения»: разумеется, здесь автор указывает на символизм, на прямую связь между идущим против течения кораблем и самим Стивеном, который в большой степени противопоставляет себя посредственному миру вокруг.

Silently moving, a silent ship — «безмолвно движущийся, безмолвный корабль»: лексический повтор указывает, во-первых, на молчаливую одинокую прогулку Стивена по берегу моря, а во-вторых, на молчание как добродетель, когда человек не ропщет, снося удары судьбы, которых в жизни Стивена было достаточно.

Наконец, посвященные конфликтам регулятивы играют важную роль в 9-м эпизоде романа. Так, в течение эпизода несколько раз упоминается грядущий журфикс у Дж. Мура, на который Стивена не приглашают, а Маллигана приглашают неизменно: *Are you going? John Eglinton's active eyebrows asked. Shall we see you at Moore's tonight? Piper is coming* («Уже уходите? — спросили живые брови Джона Эглинтонна. — Мы увидим вас сегодня у Мура? Придет Пайпер»); *Malachi Mulligan is coming too. Moore asked him to bring Haines* («Мейлахи Маллиган тоже будет. Мур попросил его привести Хейнса»). Джо Рассел опубликовал сборник молодых ирландских поэтов, куда Стивена не включили: *They say we are to have a literary surprise, the quaker librarian said, friendly and earnest. Mr Russell, rumour has it, is gathering together a sheaf of our younger poets' verses. We are all looking forward anxiously* («Говорят, нас ждет литера-

турный сюрприз, — дружелюбно и степенно сказал квакер-библиотекарь. — Ходят слухи, что мистер Рассел собрал воедино всех наших молодых талантливых поэтов. Мы все ждем с нетерпением»). Стивен, удрученный таким отторжением, старается реагировать спокойно: *See this. Remember. <...> Necessity is that in virtue of which it is impossible that one can be otherwise. <...> Listen* («Смотри. Запоминай. <...> Необходимость есть отсутствие возможности иного. <...> Слушай»). Возможно предположить, что неприятие Стивена интеллектуальной элитой Дублина и его презрительное к ней отношение вкупе с очевидным желанием быть принятым и оцененным по заслугам становится еще одним мотивом путешествия «сына», его поиска «отца» как некоего высшего смысла, подлинной эпифании.

Заключение (Conclusion)

Подводя итог анализу четырех эпизодов романа «Улисс», в которых наиболее полно представлена регулятивами смысловая доминанта «сын», можно сказать следующее.

1. Классификацию регулятивов в крупном прозаическом тексте целесообразно основывать на коммуникативных и смысловых целях, которые ставит перед собой автор, подбирая для реализации этих целей оптимальные языковые средства.

2. Проявления регулятивности, представляющие в романе «Улисс» смысловую доминанту «сын», в аспекте их роли в текстообразовании возможно подразделить на две группы: регулятивы, демонстрирующие внутренние отношения, т. е. отношения персонажа с самим собой, и регулятивы, демонстрирующие внешние отношения, т. е. отношения персонажа с окружением. В свою очередь, каждая из этих групп подразделяется на регулятивы конфликта и регулятивы примирения, так как в отношениях такого сложного и многопланового персонажа, как Стивен Дедал, есть место как для внутренних и внешних конфликтов, так и для примирения (хотя бы частичного) с окружающим миром и с самим собой.

Вне сомнений, данная тема требует дальнейших исследований, поскольку многие вопросы в данный момент остаются нерешенными. Одним из фундаментальных вопросов такого рода остается определение и идентификация регулятива в крупном прозаическом тексте. В своей теории регулятивности Н. С. Болотнова рассматривает поэтический текст, который в силу относительно небольшого объема и относительно высокой компрессии позволяет очерчивать круг регулятивов частными и достаточно концентрированными проявлениями лексики, синтаксиса, фонетики, семантики и т. д. Когда речь идет о крупном прозаическом произведении, появляется потребность в трансформации критериев идентификации регулятивов, хотя базовые принципы регулятивности текста остаются неизменными ввиду своей универсальности.

Библиографический список

1. Татару Л. В. Точка зрения и ритм композиции нарративного текста (на материале произведений Дж. Джойса и В. Вулф) : дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2009. 211 с.
2. Бобрикова Е. Н. Средства связности текста в литературе «потока сознания»: на материале романа Джеймса Джойса «Улисс» : дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2008. 170 с.

3. Фоменко Е. Г. Лингвотипологическое в идиостиле Джеймса Джойса : дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2006. 183 с.
4. Пищальникова В. А. Психопэтика : моногр. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. 173 с.
5. Болотнова Н. С. О связи регулятивной и концептуальной структур поэтического текста // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2006. № 5 (56). С. 108–113.